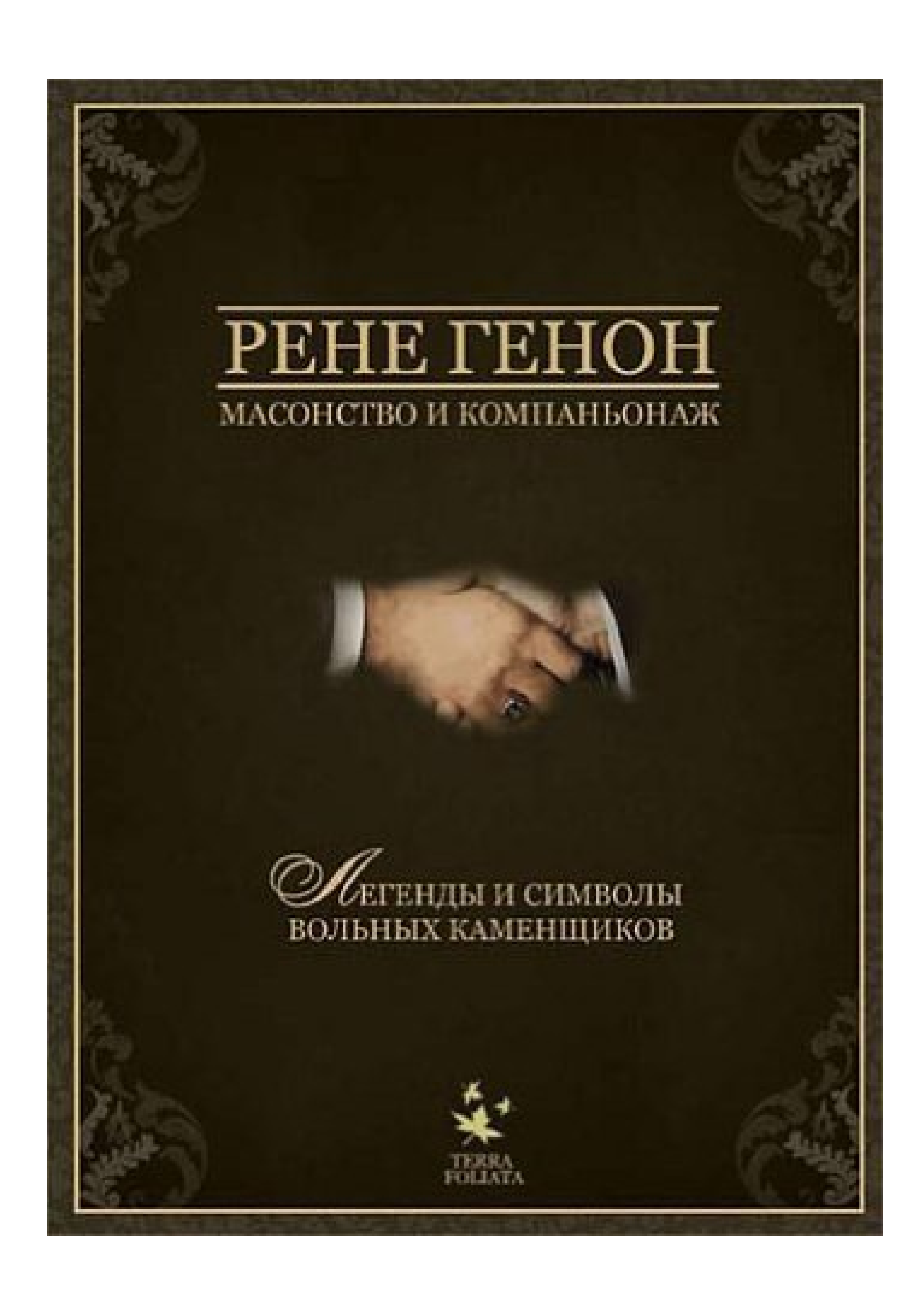

РЕНЕ ГЕНОН
МАСОНСТВО И КОМПАНЬОНАЖ
ЛЕГЕНДЫ И СИМВОЛЫ
ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ
TERRA
FOLIATA

Рене Генон

Масонство и компаньонаж

«Терра Фолиата»

Генон Р.

Масонство и компаньонаж / Р. Генон — «Терра Фолиата»,

Что же такое масонство – единственный сохранившийся в Европе инициатический Орден или простое вырождение объединений средневековых каменщиков? Ответу на этот вопрос посвящена книга известного французского эзотерика и традиционалиста Рене Генона. Глубокий знаток легенд, ритуалов и символов масонства, автор пытается показать сакральное значение его мистерий и обрядов. Приподнимая завесу над входом в масонский храм, он предлагает читателю самостоятельно ответить на поставленный выше вопрос, волнующий пытливые умы уже не одно столетие.

Содержание

Рене Генон
Масонство и компаньонаж
Легенды и символы вольных каменщиков

* * *

Предисловие переводчика

Книга, которую уважаемый читатель держит в руках, представляет сборник статей, которые, хоть и написаны автором в разное время, объединены общей темой – темой масонства. Темы этой Р. Генон в той или иной мере касается на протяжении всего своего творчества, начиная с самых ранних работ (взять, к примеру, хотя бы *Эзотеризм Данте*). Хотя отдельной книги, посвященной именно, масонству из-под его пера, увы, не вышло, того, что разбросано по трудам или отдельным статьям и рецензиям, вполне достаточно, чтобы понять его отношение к данному предмету. Позиция Р. Генона в равной мере далека и от параноидальных «разоблачений» антимасонской литературы, и от поверхностности и пустословия столь многих масонских авторов. Не менее чужд ему и подход ученых-историков, которые, стараясь быть объективными и строго научными в своих изысканиях, уделяют пристальное внимание голым фактам, теряя при этом из виду то глубинное значение, которое за ними скрывается. Но именно оно и интересует Р. Генона в первую очередь, точнее – это единственное, к чему он испытывает интерес. По его мнению, масонство, нравится это кому-то или нет, остается в западном мире единственной подлинно инициатической организацией, которая, сверх того, наследовала в какой-то мере другим, в том числе и рыцарским, орденам и братствам. Он пишет, что «оно все еще хранит древний символизм и традиции, единственным на Западе наследником каковых, оно, вопреки всем своим недостаткам, очевидно, является» («Строители Средних Веков»). Однако современное масонство (Р. Генон говорит, что вообще все *спекулятивное* масонство, с самого момента своего возникновения в 1717 году, в противовес масонству *оперативному*) не только утеряло понимание подлинного значения своих ритуалов и символов, но даже пошло (по мнению автора, в общем-то намеренно, благодаря усилиям некоторых лиц, стоявших у его истоков) по пути их искажения. Из века в век оно становилось все более и более материалистическим и рационалистическим, отрываясь от своих эзотерических корней. Поэтому нынешнее масонство в лучшем случае способно дать лишь потенциальное, *символическое* посвящение. За все это Р. Генон подвергает его (именно орден в современном виде!) резкой, если не сказать уничижительной критике. Однако при этом он отдает себе отчет в той ценности, которой сами по себе обладают масонские ритуалы и символы, и не устает обращать на это внимание читателя.

Названия статей, вошедших в данный сборник, говорят сами за себя. В них Р. Генон рассматривает широкий спектр связанных с масонством вопросов – поиски утерянного слова, сущность масонской инициации и ее связь с другими ремесленными посвящениями, значение и смысл символических и высших градусов, масонские легенды, соотношение оперативного и спекулятивного масонства, истинная суть пилигримажа и даже женские инициации! Обращаясь к символам и ритуалам вольных каменщиков, автор анализирует их в широком контексте индоевропейской традиции, неоспоримой частью которой является масонство. Задача, которую Р. Генон ставит при этом перед собой, – раскрыть, насколько это вообще возможно, подлинное эзотерическое значение масонского наследия, помочь ищущему обрести в его лице неоценимую опору, а тому, кто принял масонское посвящение, – превратить его из виртуального в реальное. «Без сомнения, – пишет автор, – невозможно передать то, что не выразимо по своей сути, ‹…› но можно указать ключи, которые позволят каждому обрести подлинную инициацию посредством собственных усилий и личных размышлений, и ‹…› обеспечить тем, кто стремится к инициации, наиболее благоприятные условия для ее реализации и оказать им содействие, без которого для них было бы практически невозможно этой реализации достичь» («Высшие градусы масонства»). По сути, Р. Генон приоткрывает завесу масонского храма (как тут не вспомнить, что завеса, покрывало всегда были символами некоей границы между внешним и внутренним, сокровенным, которую просто так не преодолеть!), откры-

вая перед нами богатство его внутреннего содержания. А как распорядиться сим богатством, решать уже самому читателю.

Дмитрий Зеленцов

Научные идеи и масонский идеал

Первая статья Конституции Великого Востока Франции утверждает, что «франкмасонство, рассматривая метафизические идеи как принадлежащие исключительно сфере личного суждения своих членов, воздерживается от высказывания любых догматических суждений».

У нас нет сомнения, что у подобных деклараций должны быть превосходные практические результаты, однако, с несколько менее условной точки зрения, было бы гораздо лучше избегать выражения «метафизические идеи», заменив их на «религиозные и философские», или даже «научные и социальные идеи». Это стало бы наиболее строгим применением принципов «взаимной терпимости» и «свободы совести», в силу каковых «франкмасонство не дозволяет разделения своих членов по вероисповеданию и убеждениям», согласно терминологии Конституции Великой Ложи Франции.

Коль скоро масонство привержено своим принципам, оно должно оказывать равное уважение всем религиозным и философским воззрениям, а также любым научным или социальным взглядам, каковы бы они ни были, при единственном условии, что оные будут считаться искренними. Религиозный догматизм ничем не лучше научного. С полной уверенностью можно сказать, что масонский дух с необходимостью исключает догматизм любой, даже «рационалистический», прежде всего, по причине особой природы своего символического и инициатического учения.[1] Но что общего у метафизики с какими бы то ни было догматическими утверждениями? Мы не наблюдаем между ними никакой связи и хотели бы ниже более подробно остановиться на данном вопросе.

В самом деле, что есть догматизм в самом общем смысле, если не чисто сентиментальная и исключительно человеческая тенденция подавать чьи-то личные идеи (неважно, принадлежат ли они отдельному человеку или коллективу), со всеми относительными и неопределенными моментами, кои они неизбежно влекут, за непреложные истины? Но отсюда один шаг до желания навязать эти так называемые истины остальным, и история в достаточной мере демонстрирует, сколь много раз этот шаг был сделан; тем не менее, вследствие их относительного и гипотетического – а значит, в значительной мере иллюзорного – характера, подобные идеи суть «убеждения» и «воззрения» и ничего более.

Следовательно, становится очевидно, что там, где существует несомненное знание, исключающее любую гипотезу и любое сентиментальное суждение (каковое столь часто ведет, и в этом смысле оно хуже всего, к вторжению в интеллектуальную сферу), не может возникать и вопроса о догматизме. Например, в случае математики, которая не оставляет места для «убеждений» и «воззрений» и полностью независима от любых индивидуальных обстоятельств; несомненно, никому, даже позитивистам, не стоит и мечтать о том, чтобы в ней усомниться. Но в отличие от чистой математики существует ли в сфере науки хоть малейшая возможность аналогичной уверенности в чем-либо? Мы считаем, что нет, но это для нас не имеет значения, поскольку в качестве восполнения по-прежнему существует все то, что выходит за пределы науки и составляет метафизику как таковую. В самом деле, подлинная метафизика есть не что иное, как целостный синтез точного и непреложного знания, отличающегося и превосходящего все условное и непостоянное; следовательно, мы не можем рассматривать метафизическую истину иначе, как аксиоматическую в своих принципах и опирающуюся на теоремы в своих выводах, а, значит, столь же строгую, как и математическая истина, бесконечным продолжением которой она является. Понятая таким образом, метафизика не содержит в себе ничего, что может задеть даже позитивистов, а они, в свою очередь, не могут, не погрешив против логики, не признать, что за нынешними пределами их понимания существуют доказуе-

[1] См. гл.2, «Великий архитектор вселенной», и гл.6, «Масонская ортодоксия», настоящей работы.

мые (и даже для всех, кроме них самих, убедительно доказанные) истины, не имеющие ничего общего с догмой, поскольку сущностная природа оной не поддается доказательству, что является ее способом быть вне, если не по ту сторону всякой дискуссии.

Если метафизика и в самом деле такова, как мы только что ее описали, нам следует поверить, что она не может быть тем, что подразумевается под фразой «метафизические идеи» в тексте, цитируемом нами в самом начале, тексте, который Бр. А. Ноэльс в статье «La Morale laïque et scientifique», опубликованной в *L'Acacia* (июнь-июль 1911), представляет в качестве «неоспоримого доказательства исключительно секулярного, научного взгляда на вещи». Мы, естественно, не будем возражать автору в данном вопросе, поскольку он потрудился уточнить, что рассматриваемая точка зрения является научной лишь применительно к тому, что относится к сфере науки, но было бы ошибкой пытаться распространить подобное мировоззрение и его методологию за пределы данной конкретной сферы, на вещи, к которым оно уже не применимо никоим образом. Если мы настаиваем на необходимости разъяснения глубинных различий между разными сферами, в коих при помощи не менее разнообразных средств осуществляется человеческая деятельность, так это оттого, что указанными фундаментальными отличиями чересчур часто пренебрегают, в результате чего возникает удивительная путаница, что в особенности относится к метафизике. Эту путаницу необходимо устранить, вместе с предубеждениями, которые она влечет за собой, и именно поэтому мы не считаем настоящие соображения совершенно неуместными.

Поэтому, если выражение «метафизические идеи» применяется к чему-либо иному, нежели подлинная метафизика (что, в действительности, и имеет место в указанном случае), мы просто-напросто сталкиваемся с существенной ошибкой, зависящей исключительно от смысла терминов, и не желаем считать это чем-то б*о*льшим. Подобное заблуждение довольно легко объясняется тем полнейшим невежеством относительно метафизики, в кое всецело впал весь современный Запад. Все это, следовательно, можно считать простительным с учетом тех обстоятельств, что к этому привели, более того, обстоятельств, которые позволяют объяснить многие иные, связанные с этим ошибки. Поэтому оставим этот вопрос и вернемся к указанным выше различиям. Ранее мы уже в достаточной степени рассмотрели предмет религиозных доктрин,[2] что же касается философских систем (неважно, материалистических или спиритуалистических), то мы убеждены, что также достаточно ясно о них высказались,[3] а значит, более не будем на них останавливаться, ограничившись теми, что имеют особое отношение к научным и социальным концепциям.

В уже упоминавшейся нами статье Бр.'. А. Ноэльс проводит различие между «религиозными истинами, каковые принадлежат к сфере непознаваемого и которые, в силу этого, можно принимать или отвергать, и научными истинами, последовательные и доказуемые плоды человеческого интеллекта, кои любой носитель разума может испытать, проверить и сделать собственным достоянием».

Прежде всего, позволим себе напомнить, что если не вызывает сомнений существование в настоящее время вещей, не ведомых человеческим существам, то при этом мы никоим образом не должны предполагать, что они относятся к категории «непознаваемого».[4] Для нас так называемые «религиозные истины» могут являться лишь простыми предметами веры, и поэтому их принятие или отвержение может быть исключительно следствием только сентиментальных предпочтений. Что же касается «истин научных», каковые носят совершенно относительный характер и постоянно подвергаются пересмотру, поскольку порождены наблюдени-

---

[2] См. «La Religion et les religions», *La Gnose*, сентябрь-октябрь 1910, p219, n10. – Кроме того, см. статью Матжиои «L'erreur métaphysique des religions à forme sentimentale», *La Gnose*, июль-август 1910, p177, n9 и 1911, p77, n3.

[3] См. гл.2 настоящей работы, «Великий архитектор вселенной».

[4] Там же.

ями и экспериментами (разумеется, здесь мы не говорим о тех истинах, что являются всецело математическими, поскольку их исток целиком иной), то мы считаем, что по причине самой их относительности подобные истины доказуемы лишь в известной степени, но никак не в строгом, абсолютном смысле. Более того, когда наука претендует на обособленность от сугубо непосредственного опыта, то всецело ли свободны от сентиментальности те систематические концепции, коим она дает начало? Полагаем, что нет,[5] а в равной мере мы убеждены, что вера в научные гипотезы является не более легитимной (ни – по той же самой причине – даже простительной, с учетом условий, которые их порождают), чем вера в религиозные или философские догматы.

И это оттого, что в действительности могут существовать также и разнообразные научные догмы, которые с трудом можно отличить от догм иного рода, разве что оное отличие проявляется в связанных с теми или иными догмами вопросах; метафизика же, как мы ее понимаем (а понимать ее иначе означает не понимать вообще), независима как от первого, так и от второго. Дабы продемонстрировать пример научных догм, стоит лишь обратиться к иной статье, недавно опубликованной в *L`Acacia* под заголовком «Les Abbés Savants et Notre Idéal Maçonnique» Бр.'. Нергалем. В ней автор выражает недовольство, хотя и весьма тактично, вмешательством католической церкви или, скорее, некоторых ее представителей, в сферу так называемых позитивных наук, а затем рассматривает возможные последствия подобного вторжения; однако нас интересует не это. То, что мы хотели бы отметить, так это его манеру представлять простые гипотезы в качестве неоспоримых, универсальных истин (хотя и в ограниченном, надо признать, смысле),[6] которые, даже несмотря на относительное правдоподобие, сами по себе далеки от возможности быть доказанными; напротив, они в любом случае соответствуют от силы лишь специфическим и сугубо ограниченным возможностям. Подобная иллюзия относительно границ определенных концепций не свойственна исключительно лишь Бр.'. Нергалю, чья добросовестность и искренняя убежденность, помимо прочего, никогда не вызовут вопросов у тех, кто с ним знаком, но разделяется (и мы имели возможность в этом убедиться) не менее искренне всеми современными учеными.

Тем не менее, существует один момент, в котором мы совершенно согласны с Бр.'. Нергалем: он утверждает, что «наука не религиозна и не антирелигиозна, но арелигиозна», и, в действительности, очевидно, что иной она и не может быть, поскольку наука и религия лежат в совершенно разных областях. Однако если это именно так, и оное признается, то должно не просто отбросить любую попытку примирить науку и религию, как то могут проделывать лишь плохие теологи[7] или ущербные ученые с ограниченными воззрениями. В равной степени следует отвергнуть вообще противопоставление науки и религии и не искать противоречий и несоответствий между ними, ибо их не существует, поскольку их точки зрения не имеют между собой ничего общего, на основании чего можно было провести вообще хоть какое-то сравнение. Это будет верным даже в случае «науки о религии», если таковая и в самом деле существует, оставаясь на сугубо научном основании и, самое главное, не выступая лишь в качестве простого предлога для интерпретации протестантизма или модернистских тенденций (которые, добавим, в итоге суть почти одно и то же). Пока не доказано обратное, позволим себе всецело усомниться в ценности ее результатов.[8]

---

[5] По данному вопросу вновь отсылаем читателя к гл.2.

[6] Там же.

[7] В этом была, помимо прочего, причина суда над Галилеем.

[8] См. «La Religion et les religions», *La Gnose*, сентябрь-октябрь 1910, p219, n10. С другой стороны, мы не уверены, что Луази можно еще считать католиком. – В конце концов, нам стоит спросить самих себя, чем может быть «мать *Брахмы*» [*sic*]; ничего подобного в индуистской теогонии мы не найдем.

Другой вопрос, в котором Бр.'. Нергаль в высшей степени вводит в заблуждение, касается возможного результата исследований «происхождения существ». Даже если бы та или иная из многочисленных гипотез, выдвинутых в связи с этим в наши дни, привела бы неоспоримые доказательства и, поэтому, лишилась бы гипотетического характера, мы, в действительности, не видим, как это могло бы повредить данной религии (в защиту которой мы определенно не выступаем), если бы ее полномочные представители (а не только лишь некоторые уважаемые личности, которые при этом не обладают полномочиями) не выставляли бы напоказ, недальновидно и неуклюже, свою позицию, чего у них никто не просил, по данному научному вопросу, который никоим образом не относится к их компетенции.[9] И даже в таком случае всегда было бы дозволительно для «уверовавших» в них без всякого риска считаться с их мнением не более, чем с каким-то прочим частным суждением, поскольку, поступая таким образом, духовные авторитеты, очевидно, превысили бы свои полномочия, относящиеся лишь к тому, что непосредственно принадлежит их «вере».[10] Что же касается метафизики (и мы касаемся этого, дабы привести пример тотального разделения двух сфер: метафизической и научной), то она не имеет никакого отношения к данному вопросу, ибо интерес к нему сошел на нет благодаря теории множественности состояний бытия, каковая позволяет рассматривать все в аспекте одновременности, а равно и, в то же самое время, последовательности, обнажая подлинную сущность идей «прогресса» и «эволюции» как сугубо относительных и случайных понятий. Говоря же о «падении человека», единственным интересным наблюдением, которое, с нашей точки зрения, можно сделать, заключается в том, что если в духовном отношении человек является принципом всего Творения, то в материальном – его результатом,[11] ибо «то, что внизу, подобно тому, что вверху и наоборот» (повторимся, понимать это в «трансформистском» смысле означало бы существенно искажать нашу мысль и отдаляться от нее).

Не будем более подробно останавливаться на изложенном выше, добавив лишь следующее: Бр.'. Нергаль делает заключение, что «наука может иметь только одну цель – более совершенное знание феноменального мира». Скажем проще, ее целью только и может быть «знание феноменального мира», без всякой претензии на «большее или меньшее совершенство». Наука, являясь, таким образом, в высшей степени относительной, может по необходимости достигать лишь истин, не менее относительных, и только одно интегральное знание есть то, что составляет «истину», так же как и «идеал» не суть «величайшее совершенство, возможное для человеческого рода» исключительно; его должно рассматривать как Совершенство, что составляет Универсальный Синтез всех родов, всего человечества.[12]

Теперь осталось прояснить сущность социальных концепций, и мы немедленно отметим, что под подобным выражением нами понимаются лишь политические воззрения, каковые, очевидно, останутся вне рассмотрения. В действительности, небезосновательно масонство запрещает любые дискуссии по данному вопросу, и, не будучи ни в коей мере реакционером, вполне возможно утверждать, что «республиканская демократия» не является социальным идеалом всего масонства где бы то ни было в обоих полушариях. Однако, говоря о социальных концепциях подобного рода, мы также имеем в виду те, что имеют отношение к морали, ибо невозможно рассматривать последнюю как нечто иное, нежели «социальное искусство», как то весьма кстати утверждает Бр.'. Ноэльс в статье, которую мы уже цитировали; таким обра-

---

[9] Не сказано ли в самой вульгате, что «Бог оставил мир на распри людям»?

[10] Это строго соответствует содержанию католического догмата о «непогрешимости папы», понимаемом даже в его самом буквальном смысле.

[11] Вот почему все традиции приходят к согласию, рассматривая его как нечто сформированное в результате синтеза всех элементов и всех царств Природы.

[12] Традиция, в действительности, не только допускает множественность обитаемых миров, но и разнородность человечества, в них живущего (см. Симон и Теофан *Les Enseignements de la Gnose*, pp.27-30); при случае мы еще вернемся к данному вопросу.

зом, нам не следовало бы, как поступает он, заходить столь далеко, чтобы «покинуть поле, открытое для любых метафизических спекуляций», и перейти в область, где метафизика не имеет значения. Напротив, вопреки тому, что утверждали философы и моралисты, постольку поскольку это касается социальных отношений, лишь это и может являться предметом рассмотрения, основанным на интересе – интересе, который, помимо прочего, связан с практической и материальной выгодой, либо с преобладанием чего-то сентиментального, или же, что, в действительности, случается в большинстве случаев, с соединением того и другого. Здесь, следовательно, все связано исключительно с индивидуальными оценками и для данной группы вопрос сводится лишь к поиску и нахождению общего основания, каковое могло бы примирить разнообразие этих многочисленных оценок, соответствующих множеству различных интересов. Если для того, чтобы сделать социальную жизнь терпимой или хотя бы просто возможной, необходимо соглашение, стоит быть, по крайней мере, достаточно откровенным, дабы признать, что это лишь соглашения, которые сами по себе не являются чем-то абсолютным и которые должны непрерывно изменяться в соответствии с условиями места и времени, от которых они всецело зависят. В рамках этих пределов, которые точно свидетельствуют об их относительном характере, мораль, ограниченная «поисками правил поведения, установленными жизнью человека в обществе» (кои правила неминуемо преобразуются в соответствии с устройством общества), будет иметь полностью признанную ценность и несомненную пользу. Но не стоит претендовать на нечто большее, подобно тому, как ни одна религия, в западном смысле слова, не может похвастаться порождением чего-то большего, нежели вера, чистая и простодушная, находящаяся под угрозой ухода от своей роли, что происходит слишком часто. И в силу этого сентиментального аспекта, сама по себе мораль, какой бы «секулярной» или «научной» она ни была, содержит в себе частицу веры, поскольку в своем нынешнем состоянии человеческий индивидуум, за очень редкими исключениями, таков, что не в состоянии выйти за ее пределы.

Но должны ли в связи с этим масонские идеалы основываться на подобных случайных вещах? И должны ли они зависеть от отдельных тенденций конкретного индивидуума и конкретной части человечества? Нам так не кажется. Напротив, мы полагаем, что дабы и в самом деле быть «Идеалом», сей идеал должен оставаться вне и по ту сторону любых суждений и верований, а равно как и любых партий, сект, систем и отдельных школ, ибо нет иного пути «достичь универсальности», как «отринуть то, что разделяет, дабы сберечь то, что объединяет»; и подобная точка зрения должна, несомненно, разделяться всеми теми, кто намерен трудиться не для напрасного возведения «вавилонской башни», но для действенной реализации Великого Делания Универсального Созидания.

Великий архитектор Вселенной

В конце нашей предыдущей статьи[13] мы упоминали некоторых современных астрономов, кои порой отдаляются от сферы своей деятельности, дабы предаваться отклонениям, обнаруживающим признаки философии, которую, не погрешив против истины, можно было бы назвать сугубо сентиментальной из-за, по сути, поэтического способа ее выражения. Нынче, когда говорится о сентиментализме, всегда подразумевается антропоморфизм, проявления коего бесчисленны; особый его род, здесь нами рассматриваемый, проявляет себя поначалу как реакция против геоцентрической космогонии догматических религий откровения, а завершается как узко систематическая концепция ученых, которые, с одной стороны, желают ограничить вселенную рамками своего собственного текущего понимания,[14] а, с другой – верованиями, по меньшей мере (к тому же по причине всецело сентиментального характера самой веры) столь же единичными и иррациональными, что и те, заменить кои они претендуют.[15] Ниже мы вернемся к обоим совокупностям воззрений, порожденных одной и той же ментальностью; однако следовало бы отметить, что порой их можно обнаружить недалеко друг от друга, и едва ли необходимо напоминать пример известной «позитивистской религии», основанной Огюстом Контом под конец его жизни. Тем не менее, не следует думать, что мы питаем хоть малейшую враждебность к позитивистам,[16] и вопреки тому факту, что их позитивизм неизбежно остается несовершенным, мы взираем на них совершенно иначе, нежели на современных философов-доктринеров, что вешают на себя ярлык монистов или дуалистов, спиритуалистов или материалистов.

Но вернемся к нашим астрономам; один из тех, что хорошо известен широкой публике (лишь по этой причине мы цитируем именно его, нежели кого-то иного, обладающего более высоким научным авторитетом) – это Камиль Фламаррион, который, даже в тех своих работах, что кажутся чисто астрономическими, делает утверждения, подобные нижеследующему:

«Если миры погибнут навеки и если солнца, однажды погаснув, никогда не засияют вновь, возможно, что в небесах не будет более звезд.

А почему?

Потому, что творение настолько древнее, что его прошлое можно рассматривать как вечность.[17] С момента своего образования у бесчисленных солнц космоса было достаточно вре-

---

[13] См. «Le Symbolisme de la Croix», *La Gnose*, второй год издания, № 6, p166. – Вот пассаж, о котором говорит автор: «Поскольку для нас не представляется возможным согласиться с ограниченной точкой зрения геоцентризма, мы, тем не менее, не разделяем и особого сциентистского лиризма или того, что можно было бы таковым именовать, каковой, очевидно, столь дорог некоторым астрономам, которые никогда не устанут твердить о «безграничном космосе» и «бесконечном времени», являющихся сущими нелепостями; здесь мы вновь сталкиваемся лишь с иным аспектом тенденции к антропоморфизму, о коей уже упоминали». – Прим. пер.

[14] «Человек есть мера всех вещей», утверждали древнегреческие философы; однако вполне очевидно, что имеется в виду не случайный, отдельный человек, но Человек Универсальный.

[15] Имея в виду понятия, заимствованные непосредственно из астрономии, позволим себе, в качестве примера, привести сомнительную теорию миграции отдельных существ через различные планетарные системы, всецело ошибочное воззрение, как и теория реинкарнации (о чем см. *La Gnose*, второй год издания, № 3, p94, n1: «Ограничение универсальной Возможности есть, в собственном смысле слова, невозможность; мы уже увидели, что она исключает теорию реинкарнации, равно как «вечное возвращение» Ницше или одновременное повторение в пространстве предположительно идентичных индивидуумов, о котором воображал Бланки»). Для иллюстрации этой идеи см., помимо работы Фламмариона, *Le Lendemain de la Mort on la Vie future selon la Science* Фигье.

[16] Позитивист же, если он желает быть логически последовательным, может, конечно, никогда не занимать позицию отрицания, какие бы формы оно не принимало; иными словами, он не может быть систематичным, ибо отрицание подразумевает ограничение, и *наоборот*.

[17] Идея о так называемой вечности времени, состоящей из последовательно длящихся периодов и, по-видимому, разделенной на две половины, прошлое и будущее, весьма примечательна; в действительности, это лишь вопрос неопределенности длительности, которому соответствует человеческое бессмертие. Позднее нам представится возможность вернуться к этой

мени, чтобы погаснуть. С учетом вечности прошлого, лишь новые солнца сияют сейчас. Те, что были в начале, потухли. Следовательно, идея преемственности нам навязана.[18]

Какие бы личные верования каждого из нас относительно природы вселенной ни были присущи нашему сознанию, невозможно приять давнюю теорию творения как раз и навсегда установленную.[19] Разве идея Бога не тождественна идее Творца? Коль скоро Бог существует, он творит; если он творит лишь один раз, то в необъятности космоса не будет более ни новых солнц, ни новых планет, собирающихся вокруг их света, тепла, энергии и жизни.[20] Таким образом, необходимо, чтобы творение было вечным.[21] И если Бога не существует, то древность, вечность вселенной бросается в глаза в еще большей степени».[22]

Автор утверждает, что существование Бога есть «вопрос чистой философии, а не позитивной науки», что не мешает ему доказывать,[23] если не с точки зрения науки, то, по крайней мере, при помощи научных аргументов, то же самое существование Бога, или, скорее, бога, более того, бога, которого едва ли можно было бы назвать несущим свет,[24] поскольку он обладает лишь аспектом демиурга. Сам автор говорит об этом, заявляя, что для него «идея Бога тождественна идее Творца», и когда он рассуждает о творении, то постоянно имеет в виду лишь физический мир, пространство, которое астроном изучает при помощи своего телескопа.[25] Существуют, кстати, ученые, которые воздерживаются от того, чтобы быть атеистами, поскольку это единственный для них способ постичь Высшее Бытие, и потому, что считают эту идею противной разуму (что, по крайней мере, свидетельствует об их предпочтениях); однако Фламмарион не относится к их числу, ибо он, наоборот, не пропускает ни одного удобного случая, чтобы заявить о своей деистической вере. Даже в рассматриваемом нами тексте вскоре после приведенного пассажа он продолжает (посредством рассуждений, помимо прочего, почти полностью заимствованных из атомистической философии) развивать свои выводы: «Жизнь является универсальной и вечной».[26] Он утверждает, что пришел к этому исключительно при помощи позитивной науки (посредством столь многих допущений!). Но более примечательно то, что именно это заключение длительное время догматически утверждалось и провозглашалось католицизмом, как принадлежащее всецело области веры.[27] Если вера и наука находятся в столь совершенном согласии, то действительно ли стоило так язвительно клеймить религию за некоторую раздражительность по отношению к Галилею, постра-

---

идее делимой псевдовечности и выводам некоторых современных философов, которые желательно было бы из нее извлечь.

[18] В общем-то, было бы излишне уделять внимание многим чисто гипотетическим рассуждениям, коими полны эти строки.

[19] Во имя какого принципа, можно было бы поинтересоваться, провозглашается подобная невозможность, когда вопрос веры (слово, которое он использует) относится исключительно к сфере совести того или иного человека?

[20] Из подобной тенденции явственно следует, что для автора Бог имеет начало и относится к области времени, а равно и пространства.

[21] Но бесконечное, понимаемое лишь как непрерывно длящееся, никоим образом не тождественно вечному; и древность, даже будь она столь велика, не имеет никакого отношения к вечности.

[22] *Astronomie populaire*, pp380-381.

[23] *Dieu dans la Nature*, или «Le Spiritualisme et le Materialisme devant la Science moderne».

[24] Нам известно, что слово «Бог» [*Dieu*] происходит от санскритского *Deva*, что означает «сияющий». Здесь, разумеется, речь идет о духовном свете, а не о физическом свечении, каковое является лишь символом.

[25] В действительности, современная наука признает, по меньшей мере в качестве принципа, лишь то, что может быть подвергнуто проверке при помощи одного или более из пяти органов чувств; с этой узко специализированной точки зрения смерть вселенной рассматривается исключительно лишь как не-существование.

[26] *Astonomie populaire*, p387.

[27] Мы еще вернемся к вопросу о «вечной жизни», пока же отметим лишь, что это так называемое наделение вечностью (этернализация) случайного, индивидуального существования есть не более чем следствие смешения понятий вечности и бессмертия. Более того, в определенном смысле эта ошибка в большей мере простительна, нежели та, что совершают спириты и прочие медиумы, которые верят в возможность «научной», то есть экспериментальной, демонстрации бессмертия, хотя очевидно, что опыт не докажет ничего иного, кроме сохранения отдельных элементов личности после смерти телесной, физической составляющей. Стоит добавить, что с точки зрения позитивной науки даже такое простое сохранение *материальных* элементов все еще далеко от достоверного доказательства, вопреки утверждениям различных школ неоспиритуалистов.

давшему от рук ее представителей за его утверждение, что Земля кружится и вращается вокруг Солнца, мнение, противоположное геоцентризму, в те времена базировавшегося на экзотерическом (и ложном) истолковании Библии, но большинство пылких сторонников которого (ибо они все еще существуют), вероятно, более не принадлежат к числу приверженцев религий откровения?[28]

Рассматривая подобным образом смешение Фламмарионом сентиментализма и науки в контексте «спиритуализма», не стоит удивляться, что вскоре он приходит к «анимизму», который, подобно учению Крукса, Ламброзо (под конец его жизни) или Рише (сколь много примеров несостоятельности экспериментальной науки перед лицом ментальности, сформированной на Западе задолго до нее под влиянием антропоморфической религии), отличается от пресловутого «спиритизма» лишь формой, позволяющей сохранить видимость «научности». Но, поскольку не верится в то, что идея индивидуального, более того, «личного» Бога может удовлетворять любому менталитету или даже любому проявлению сентиментальности, еще более удивительной является возможность обнаружения точно такой же «научной философии», на которой Фламмарион строит свой неоспиритуализм и выраженной примерно в тех же терминах в писаниях школ, кои напротив отстаивают материалистическую концепцию вселенной.

Разумеется, мы не считаем обоснованным ни то, ни другое, ибо спиритизм и «витализм» или «анимизм» есть нечто, чуждое чистой метафизике, равно как материализм и «механицизм»; как первое, так и второе в равной мере, хотя и различными способами, ограничивают представления о вселенной,[29] поскольку выдают то, что в действительности является пространственной и временной неопределенностью, за бесконечность и вечность. «Творение разворачивается в бесконечности и вечности», пишет Фламмарион, и нам известно, в каком ограниченном смысле использует он слово «творение». Но оставим это и без дальнейших отлагательств перейдем к тому, что послужило поводом к написанию данной статьи.

.'.

В выпуске *L'Acacia* от марта 1911 года помещена статья Бр.'. М.-И. Нергаля «La question du Grand Architecte de l'Univers», по вопросу, который уже рассматривался[30] в том же издании покойным Бр.'. Ш.-М. Лимузеном и Бр.'. Освальдом Виртом. Мы и сами высказали несколько соображений по этому поводу чуть более года назад.[31]

Нынче же, если Фламмариона можно рассматривать как пример неоспиритуалистских тенденций у некоторых современных ученых, Бр.'. Нергаль может послужить замечательным образцом тенденций материалистических, присущих иным кругам. В действительности, он сам со всей очевидностью это подтверждает, избегая любых выражений, что (особенно такой термин, как «монист») могли бы дать повод для какой бы то ни было двусмысленности; мы же, в сущности, знаем, что подлинные материалисты не столь уж распространены. К тому же, им трудно постоянно придерживаться строго логической позиции; в то время как они считают самих себя сторонниками сугубо научных воззрений, их концепция вселенной есть не более чем философская идея, подобная всем прочим, и ее структура содержит львиную долю элементов сентиментализма. Некоторые столь далеко заходят в признании (по крайней мере, на практике) превосходства сентиментальности над интеллектуальностью, что можно столкнуться со

---

[28] Здесь мы в особенности имеем в виду некоторые оккультные группы, чьи теории, помимо прочего, недостаточно серьезны для того, чтоб хоть в малейшей степени их касаться; этого простого указания определенно хватает, чтобы предостеречь наших читателей против подобного рода бредней.

[29] Относительно различных ограничений вселенной, которые представляют современные ученые и философы, можно было бы сделать несколько любопытных замечаний; это вопрос, к которому мы однажды, возможно, обратимся.

[30] В 1908 году.

[31] См. гл.6, «Масонская ортодоксия».

случаями настоящего материалистического мистицизма. В действительности, не позиция ли абсолютного морализма (или того, что этим словом называется) во всецело мистическом и религиозном контексте оказывает столь сильное влияние на менталитет материалиста, что приводит его к признанию того, что даже при отсутствии основания к принятию материализма, он все равно остается один, ибо «более благородно» «делать добро» без всякой надежды на воздаяние? Это, несомненно, одна из тех «причин», о которых не догадывается рассудок, но мы убеждены, что сам Бр.'. Нергаль придает слишком большое значение нравственным рассуждениям, чтобы отрицать всю ценность подобной аргументации.[32]

Как бы то ни было, в только что упомянутой статье Бр.'. Нергаль определяет вселенную как «тотальность миров, вращающихся сквозь бесконечности [*sic*]». Не то же ли самое мы слышали от Фламмариона? Это утверждение в точности подобно тому, на котором мы закончили о нем говорить, и если мы обратили на него внимание прежде чего бы то ни было еще, то просто потому, что оно свидетельствует о сходстве некоторых идей у личностей, что, по причине соответствующих индивидуальных склонностей, тем не менее, пришли к диаметрально противоположным философским концепциям.

Для нас вопрос Великого Архитектора Вселенной, каковой тесно связан с предшествующими рассуждениями, представляется вполне достойным частого к нему обращения, и поскольку Бр.'. Нергаль желает, чтобы его статья получила отклик, мы намерены высказать некоторые мысли, на которые она нас подвигла, разумеется, без каких бы то ни было догматических притязаний, ибо таковые были бы чужды толкованию масонского символизма.[33]

Мы уже отмечали, что для нас Великий Архитектор Вселенной представляет собой исключительно инициатический символ, рассматриваемый как и любой другой. Поэтому прежде всего необходимо определить своего рода рациональную идею этого символа,[34] каковой, к слову сказать, не имеет ничего общего с Богом антропоморфических религий, представление о котором не только иррационально, но даже антирационально.[35] Тем не менее, хотя мы думаем, что «каждый может вложить в этот символ значение, соответствующее своему собственному философскому [или метафизическому] осмыслению», мы далеки от того, чтобы сравнивать его с такой смутной и неясной идеей, как «Непознаваемое» Герберта Спенсера или, иными словами, с «тем, чего наука не в состоянии достичь»; и вполне определенно, по верному замечанию Бр.'. Нергаля, «несмотря на то, что никто не спорит о существовании непознанного,[36] нет абсолютно ничего, что позволило бы нам утверждать, как то некоторые делают, что это непознанное представляет разум, волю». Без сомнения, «неизвестное отступает» и может так делать сколь угодно долго. Следовательно, оно ограниченно, то есть составляет лишь фрагмент Всеобщего, а значит, подобная концепция не может соответствовать идее Великого Архитектора Вселенной, каковой, чтобы быть подлинно универсальным, должен заключать в себе каждую отдельную возможность, содержащуюся в гармоничном единстве Тотального Бытия.[37]

---

[32] В той же самой статье Бр.'. Нергаль говорит об «идеале красоты и чувства, каковой подразумевает искренность строгих и глубоких убеждений, основанных на методах и порядках науки», искренность, которую он противопоставляет «спиритуализму Бр.'. G…, естественному продукту его книжного обучения».

[33] См. гл.6, «Масонская ортодоксия» (цит. по: *Rituel interpretatif pour le Grade d'Apprenti*).

[34] Там же.

[35] То, что мы сказали здесь относительно антропоморфизма, в равной степени применимо и к сентиментализму в целом, а также к мистицизму во всех его формах.

[36] Это, конечно, относится к человеческим личностям, взятым в их нынешнем состоянии; однако «неведомое» не обязательно означает «непознаваемое»: следовательно, ничто не может быть непознаваемым, если на все смотреть с точки зрения Универсальности.

[37] Как мы ранее уже несколько раз отмечали, не следует забывать, что материальная возможность есть лишь одна из этих отдельных возможностей, и что существует бесчисленное множество прочих, каждая из коих в равной мере может бесконечно развиваться в своем проявлении, то есть, переходя от потенциального к актуальному (см. в особенности «Символизм креста»).

Бр.'. Нергаль вновь верно замечает, что зачастую «выражение «Великий Архитектор» соответствует лишь абсолютному вакууму, даже для тех, кто твердо его придерживается», однако едва ли возможно, что так же дело обстояло и с теми, кто его создал, ибо они вряд ли желали начертать на своем инициатическом сооружении выражение, лишенное значения. Дабы проникнуть в их образ мысли, очевидно, было бы достаточно поинтересоваться, что данное выражение означает само по себе, и точно следуя этой точке зрения, мы обнаружим, что оно всецело соответствует способу использования, поскольку превосходно вписывается в весь масонский символизм, каковой преобладает, проливая на нее свет, в идеальной концепции, руководящей возведением Универсального Храма.

Великий Архитектор Вселенной не есть, по правде говоря, Демиург, но нечто более значительное, бесконечно более значительное, ибо он представляет гораздо более величественную концепцию: он чертит идеальный план,[38] каковой реализуется в действии, то есть, проявляется в своем неограниченном (но не бесконечном) развитии посредством индивидуальных сущностей, содержащихся (как отдельные возможности, одновременно представляющие элементы и агенты манифестации) в рамках Универсального Бытия; и эта совокупность упомянутых индивидуальных сущностей рассматривалась как целое, составляющее в действительности Демиурга, мастера или ремесленника вселенной.[39] Подобная концепция Демиурга, каковую мы уже представляли в другом исследовании, соответствует в каббале *Адаму Протопласту* (первотворцу),[40] тогда как Великий Архитектор тождествен *Адаму Кадмону*, или Универсальному Человеку.[41]

Было бы достаточно отметить глубокое различие, существующее между Великим Архитектором масонства с одной стороны и богами различных религий с другой, представляющими собой разнообразные аспекты Демиурга. Более того, ошибочно было бы, как то делает Бр.'. Нергаль, отождествлять антропоморфного Бога экзотерического христианства с Иеговой, -акуилиיהוה иерограммой самого Великого Архитектора Вселенной (идея которого, вопреки занному номинальному обозначению, остается значительно более неопределенной, чем автор о том подозревает), или с *Аллахом*, иной тетраграммой, иероглифическая композиция которой со всей очевидностью обозначает Принцип Универсального Созидания.[42] Подобные символы никоим образом не являются персонифицированными, более того, их запрещено представлять посредством каких бы то ни было знаков.

С другой стороны, из того, что только что было сказано, можно заключить, что замещение различными формулами известного выражения «Во Славу Великого Архитектора Вселенной» (или «Высочайшего Архитектора Миров» в Египетском Обряде) есть, в действительности, лишь его замена эквивалентными выражениями, например, «Во Славу Человечества», где последнее понимается в его тотальности, как составляющее Универсального Человека,[43] или,

---

[38] «Архитектор есть тот, кто имеет представление о здании, руководит его возведением», говорит сам Бр.'. Нергаль, и с этой точкой зрения мы всецело согласны; но если в этом значении можно утверждать, что он, поистине, «автор работы», тем не менее, очевидно, что материально (или, в более общем смысле, формально) он – не его «создатель», поскольку архитектора, каковой чертит план, не стоит путать с ремесленниками, кои его осуществляют. С иной точки зрения, именно здесь проявляется разница между спекулятивным и оперативным масонством.

[39] См. «Le Demiurge», *La Gnose*, первый год издания, №№ 1-4.

[40] А не «первосотворенного», как греческое слово *Протопласт* иногда неверно переводят, в противоположность его подлинному значению.

[41] См. «Le Demiurge», *La Gnose*, первый год издания, № 2, pp25-27.

[42] В действительности четыре арабские буквы, образующие имя *Аллах*, являются, соответственно, символическими эквивалентами линейки, угольника, циркуля и круга, заменяемого в масонстве треугольником, что дает нам исключительно прямоугольную символику.

[43] Очевидно, не стоит говорить, что каждый индивидуум будет, фактически, создавать для себя более или менее ограниченное представление о едином Человечестве в соответствии с текущим уровнем своего интеллектуального восприятия (его можно назвать «интеллектуальным горизонтом»), но, что касается нас, это понятие стоит рассмотреть исключительно в его подлинном и полном значении, отстранившись ото всех случайностей, определяющих индивидуальные воззрения.

помимо прочего, «Во Славу Универсального Франкмасонства», поскольку франкмасонство, в универсальном значении слова, ассоциируется с интегральным Человечеством, рассматриваемым в свете (идеального) выполнения Великого Делания Созидания.[44]

Мы могли бы и далее рассматривать этот вопрос, ибо по природе своей он способен к бесконечному развитию, однако, дабы подойти к завершению, нам осталось лишь отметить, что атеизм в масонстве есть, но он не может быть ничем иным как маской, при помощи которой оно в романских странах и, в особенности, во Франции извлекает для себя пользу – можно было бы сказать практически необходимость, в силу разнообразных причин, которые у нас нет нужды здесь обсуждать – но сегодня становится скорее опасным и ставящим под сомнение престиж и влияние ордена во внешнем мире. Тем не менее, это не означает, что на основании этого, в подражание пиетистскому влиянию, что все еще доминирует в англо-саксонском масонстве, стоит требовать исповедания деистической веры, подразумевая веру в личного и более-менее антропоморфного Бога. Мы далеки от подобных мыслей; более того, если бы подобные декларации провозглашались в каком-либо инициатическом братстве, мы были бы первыми, кто отказался под ними подписаться. Однако символическая формула признания В.'. А.'. В.'. не содержит ничего на это похожего, достаточно всего лишь позволить каждому совершенно свободно исповедовать собственные убеждения (его суть в значительной степени сходна с исламской формулой монотеизма),[45] и с чисто масонской точки зрения, нет оснований требовать чего-то большего или чего-то иного, чем это простое принятие Универсального Бытия, каковое столь гармонично венчает здание ритуального символизма ордена.

---

[44] Стоит обратить внимание, что первоначально принцип масонского шифра выражался исключительно следующим образом: «Слава В.'. А.'. В.'.», а не «Поклонимся В.'. А.'. В.'.», дабы избежать малейшей видимости идолопоклонства. Но, в действительности, это было бы не более чем видимостью, поскольку, как то доказывают приведенные нами здесь суждения, формула, предполагающая поклонение, была бы в достаточной мере оправдана доктриной «Высшего Тождества», каковая, рассмотренная в данном контексте, может быть выражена в (буквальном) числовом соответствии, хорошо известном мусульманской каббале. Согласно самому Корану, Аллах «приказал ангелам поклониться Адаму, и они поклонились ему; гордый Иблис отказался повиноваться, и [вследствие этого] был причислен к неверным» (11:32). Иной вопрос, связанный с предыдущим и представляющий интерес как с ритуальной, так и исторической точки зрения, – определение значения и изначальной ценности символа В.'. А.'. В.'., устанавливающего, предписывает ли порядок говорить «Во Славу В.'. А.'. В.'.», как то распространено во французском масонстве, или, напротив, согласно английской формуле «Во Имя В.'. А.'. В.'.» (I.T.N.O.T.G.A.O.T.U.).

[45] «Теизм» не стоит путать с «деизмом», ибо греческое Θεός несет в себе существенно более универсальное значение, нежели Бог современных экзотерических религий; при случае мы обязательно вернемся к этому вопросу.

Утерянное слово и его заменители

Как нам известно, практически все традиции упоминают нечто, что было утеряно или исчезло, но навсегда сохранило неизменно фундаментальное значение и может быть выражено лишь символами. Мы могли бы сказать «неизменные значения», ибо в любом символе их несколько, но все они в любом случае друг с другом тесно связаны. По сути, здесь идет речь о духовном помрачении, которое в силу циклических законов имеет место на протяжении человеческой истории, то есть, прежде всего, об утрате изначального состояния, а равно, как о прямом следствии этого, и соответствующей традиции, ведь таковая традиция фактически есть знание, внутренне присущее тому, кто в таковом состоянии находится. Мы уже говорили об этом в одной из наших работ,[46] где особое внимание уделили символике Грааля, в которой, помимо прочего, отчетливо выражены оба вышеупомянутых аспекта, относящихся соответственно к изначальному состоянию и изначальной традиции. К этим двум мы могли бы добавить третий аспект, имеющий отношение к изначальному месту пребывания, однако, само собой разумеется, нахождение в «Небесном раю», каковой, в буквальном смысле, есть «Центр Мира», всецело тождественно пребыванию в сам*о*м изначальном состоянии.

С другой стороны, стоит отметить, что данное помрачение не происходит внезапно, раз и навсегда, но после утраты изначального состояния имеет место несколько последовательных его стадий, которые соответствуют множеству фаз или эпох в разворачивании человеческого цикла, а «утрата», кою мы имеем в виду, может, кроме того, обозначать каждую из этих стадий, и сходный символизм всегда применим к различным упомянутым уровням. Чтобы прояснить это, отметим, что утерянное в самом начале было заменено чем-то, способным выполнять его роль настолько, насколько это представлялось возможным, но и оно в свою очередь было утрачено и нуждалось в дальнейшем замещении. Это отчетливо видно на примере образования вторичных центров, возникших после того, как центр высший укрылся от взора человечества, по крайней мере, в общем смысле и относительно большинства «нормальных» людей – ибо неизбежны исключения, без которых, в результате разрушения всех связей с этим центром, сама по себе духовность любого уровня всецело бы исчезла. Кроме того, можно было бы отметить, что отдельные традиционные формы, точно соответствующие упомянутым вторичным центрам, каковые более или менее завуалированы, или, точнее, сокрыты, представляют собой заменители утерянного изначального знания, приспособленные к условиям различных последующих эпох; данные замещающие центры или традиции подобны отражению того, что было утеряно – отражению прямому или косвенному, близкому или далекому, в зависимости от обстоятельств. И с учетом родства, коим любая подлинная традиция бесповоротно связывается с традицией изначальной, можно добавить, что по отношению к ней их можно рассматривать как многочисленные побеги единого древа, кое символизирует «Мировую ось» и произрастает из центра «Земного рая», как о том говорится в средневековых легендах, где упоминаются побеги «Древа жизни».[47]

Примеры замещения, следующего за очередной утратой, можно обнаружить в особенности в маздеистской традиции, и в этой связи стоит добавить, что нечто утраченное представляется не только священной чашей, Граалем и различными его эквивалентами, но также и тем, что она содержит. Это нетрудно понять с учетом того, что содержимое, как бы оно ни обозначалось, есть не что иное, как «напиток бессмертия», обладание коим составляет, по сути, одно из преимуществ изначального состояния. Так, к примеру, утверждают, что после того, как в

[46] *Царь Мира*, гл.5.

[47] В этом отношении представляется весьма существенным, что, согласно некоторым из этих легенд, древесина для креста была взята от одного из таких побегов.

определенную эпоху ведическая *сома* сделалась неизвестной людям, возникла необходимость заменить ее иным напитком, который лишь символизировал *сому*; и хотя с определенностью об этом нигде не упоминается, но очевидно, что этот заменитель также в свою очередь был утерян.[48] У персов, *хаома* которых была тождественна индуистской *соме*, об этой вторичной утрате, наоборот, говорится весьма отчетливо: белая *хаома* могла быть собрана лишь на горе *Альборж*, то есть на полярной горе, символизирующей изначальное место пребывания; позже на смену ей пришла желтая *хаома*, точно так же как в области, где поселились предки иранцев, была иная гора *Альборж*, коя являлась лишь образом первой; однако впоследствии эта желтая *хаома* тоже была утеряна, оставив по себе лишь воспоминание. И поскольку мы коснулись этого вопроса, напомним, что роль заменителя «напитка бессмертия» в иных традициях играет вино; более того, недаром в общем смысле оно рассматривается как символ сокрытой или оберегаемой доктрины, а именно, эзотерического и инициатического знания, как то мы ранее уже разъясняли.[49]

Теперь обратимся к иной форме того же самого символизма, каковой, помимо прочего, может соответствовать действительным историческим событиям; но, заметим, было бы заблуждением считать, что это относится к историческим фактам как таковым, ибо нас интересует лишь их символическая ценность. В общем можно сказать, что любая традиция имеет в качестве своего стандартного средства выражения определенный язык, который обретает, таким образом, характер священного, и, если случается так, что эта традиция исчезает, вполне естественно, что соответствующий священный язык при этом также будет утерян. Даже если что-то из него внешним образом сохранится, это будет не более чем своего рода «трупом», ибо его глубинное значение уже более неизвестно. Первым подобным примером является случай первозданного языка, посредством коего выражалась изначальная традиция, отсюда многочисленные намеки на оный язык и его утрату, которые мы обнаруживаем в традиционных писаниях. Позволим себе добавить, что когда отдельный священный язык, известный в наши дни, иногда отождествляется с самим первозданным языком, следует отдавать себе отчет в том, что он, в действительности, представляет собой лишь заменитель, и, следовательно, выступает таковым для приверженцев соответствующей традиции. Из определенных связанных с ним писаний, тем не менее, явствует, что первозданный язык существовал вплоть до эпохи, которая, какой бы далекой нам ни казалась, все же весьма отстоит от изначальных времен. Именно так обстоит дело в библейской истории о «смешении языков», которая, хотя и может быть связана с определенным историческим периодом, скорее соответствует не чему иному, как началу *Кали-Юги*. С определенностью можно сказать, что задолго до нее уже существовали отдельные традиционные формы, каждая из которых имела собственный священный язык, поэтому существование единого исходного языка необходимо понимать не буквально, но, скорее, в том смысле, что до этого момента еще сохранялось сознание сущностного единства всех традиций.[50]

В определенных случаях вместо потери языка речь идет об утрате лишь одного слова, к примеру, божественного имени, характеризующего определенную традицию и представляющего оную в ее целостности, поэтому замена некоего имени на новое будет свидетельствовать, следовательно, о переходе от одной традиции к другой. Порою также речь заходит о частичных «утратах», имеющих место в отдельные критические периоды существования той или иной традиционной формы, и когда потерянное восполняется чем-то равнозначным, это

---

[48] Отсюда совершенно напрасны попытки найти растение, из которого производилась *сома*; поэтому не испытываем ли мы постоянно соблазн, независимо от прочих соображений, выразить признательность тем ориенталистам, которые, говоря о *соме*, избавляют нас от общераспространенного «клише» об *asclepias acida*?

[49] *Царь Мира*, гл.6.

[50] Мы могли бы отметить в этой связи, что то, что именуется «даром языков» (см. *Очерки об инициации*, гл.37), имеет отношение к знанию первозданного языка, понимаемого символически.

означает, что под влиянием обстоятельств произошла перестройка указанной традиции, в противном случае эти «утраты» говорят о более или менее серьезном упадке традиции, каковой уже не может быть впоследствии преодолен. Чтобы ограничиться лишь наиболее показательными примерами, обратимся к иудейской традиции, в которой мы обнаруживаем оба подобных случая. После вавилонского пленения новый тип письма пришел на смену тому, что был утрачен,[51] и, благодаря иероглифической ценности качеств сакрального языка, эта перемена внутренне подразумевала некоторое видоизменение самой традиционной формы, то есть ее перестройку в соответствии с обстоятельствами.[52] Более того, во времена разрушения Иерусалимского Храма и рассеяния еврейского народа был утрачен подлинный способ произнесения четырехбуквенного (тетраграмматического) Имени, оно было заменено именем *Адонаи*, которое, тем не менее, никогда не воспринималось в качестве истинного эквивалента того, что уже не могло быть произнесено. В самом деле, регулярная передача точного произношения главного божественного имени,[53] обозначаемого *ха-Шем* или Имя par excellence,[54] было сущностно связано с преемственностью жречества, чьей функцией могло быть лишь служение в Иерусалимском Храме; с тех пор, как оно прекратило свое существование, иудейская традиция невосполнимо лишилась своей полноты, о чем явственно свидетельствует прекращение жертвоприношений, каковые, к слову сказать, составляли самую «основную» часть обрядов этой традиции; соответственно, Тетраграмма занимала в традиции подлинно «центральное» положение относительно прочих божественных имен и воистину являлась ее духовным центром, который и был утерян.[55] Очевидно, что в подобном примере исторический факт, как таковой не вызывающий никаких сомнений, не может быть отделен от символического значения, каковое есть его внутренняя raison d'être[56] и без которой он полностью неясен.

Упоминание чего-то утерянного, символически выраженного в различных формах, обнаруживается именно в экзотеризме, свойственном различным традициям, как мы только что оное увидели; и чтобы выразиться более строго, можно было бы даже сказать, что к этому экзотерическому аспекту оно относится прежде всего, ибо очевидно, что именно в данной сфере потеря имела место и была подлинной, и именно здесь о ней можно говорить как об окончательной и невосполнимой, таким образом, она была реальной для земного человечества в целом на протяжении всего текущего цикла. Но есть, напротив, и нечто, всецело принадлежащее эзотерической и инициатической сфере: поиск чего-то утраченного, или, как выражались в Средние Века, «странствие в поисках» (quest) этого; и понять оное не составляет труда, ведь первая часть инициации, которая соответствует «малым мистериям», в качестве своей исконной цели имеет, по сути, восстановление изначального состояния. Стоит отметить, что, как утрата в действительности происходит постепенно и проходит в несколько стадий прежде, чем в конце концов достичь текущего состояния, так и поиск всегда движется шаг за шагом, минуя в обратном порядке те же самые стадии, восходя, к слову сказать, по пути развертывания исторического цикла человечества, от одного состояния к другому, ему предшествующему, и так вплоть до самого изначального состояния; и уровни «малых мистерий»[57] естественным

---

[51] Вряд ли стоит упоминать, как неправдоподобно бы это прозвучало в случае буквального истолкования, ибо сомнительно, что периода в 70 лет было достаточно, чтобы изгладить в памяти древние письмена. Но определенно не лишено основания предположение, что это должно было произойти в эпоху очередных изменений традиции в шестом веке до Рождества Христова.

[52] Вполне вероятно, что изменения формы китайских иероглифов, которые происходили несколько раз, стоит также объяснять подобным образом.

[53] Такую передачу можно в высшей степени справедливо сравнить с передачей *мантры* в индуистской традиции.

[54] Преимущественно (фр.) – Прим. пер.

[55] Термин *диаспора*, или «рассеяние» (*галут* на иврите), великолепно характеризует состояние народа, чья традиция оторвана от своего естественного центра.

[56] «Смысл существования» (фр.). Разумное основание, смысл. – Прим. пер.

[57] Об этом см. *Заметки об инициации*, гл.39.

образом соответствуют данным стадиям. Необходимо сразу же добавить, что вышеупомянутые нами успешные случаи замещения также могут иметь место и при обратном порядке, что объясняет, почему в определенных случаях то, что подается как «заново открытое слово», в реальности может быть лишь тем же самым «словом-заменителем», представляющим ту или иную промежуточную стадию. Должно быть совершенно ясно, что ничто передаваемое внешним образом не может быть подлинным «утерянным словом», оно всегда лишь более или менее несовершенный символ оного, подобно любому выражению трансцендентных истин; и подобный символизм зачастую является комплексным в связи со множеством значений, которые ему придаются, а также уровней его приложения.

В западных инициациях есть, по меньшей мере, два примера (о каковых, естественно, нельзя сказать, что они всегда хорошо понимаемы теми, кто о них говорит) упомянутого поиска, которые можно рассматривать соответственно как своего рода две принципиальные формы указанного нами символизма: «поиск Грааля» в рыцарских инициациях Средних Веков и «искание утерянного слова» в масонском посвящении. Относительно первого А. Э. Уэйт верно отметил, что он содержит множество более или менее прозрачных аллюзий на утерянные формулы или предметы; более того, можно ли не упомянуть, что сам «Круглый Стол» есть, прежде всего, «заменитель», ибо, несмотря на то, что он предназначен для принятия Грааля, этого, в действительности, так никогда и не случилось? Это не означает, что «странствие в поиске» никогда не может завершиться успехом, как в то чересчур легко соблазнились уверовать некоторые, но лишь то, что даже если оный может иметь место для некоторых, невозможно, чтобы это произошло для всего сообщества ищущих, даже если это последнее носит неоспоримо инициатический характер. Как мы ранее уже видели,[58] «Круглый Стол» и его рыцарство отличаются всеми качествами, составляющими характеристику аутентичного духовного центра; однако вновь позволим себе отметить, что любой вторичный духовный центр, каковой есть только образ или отражение центра высшего, может, по сути, играть лишь роль «заменителя» последнего, подобно тому как каждая отдельная традиционная форма есть исключительно «заменитель» изначальной традиции.

Переходя теперь к «утерянному слову» и его поиску в масонстве, следует сказать, что, по крайней мере, при нынешнем положении вещей, вопрос сей пребывает во мраке. Мы определенно не можем претендовать на то, чтобы полностью его рассеять, тем не менее, нескольких замечаний, сделанных нами, возможно, будет достаточно, чтобы разрешить то, что на первый взгляд может показаться противоречием. Первое, что следует отметить, – это то, что степень Мастера в том виде, в каком она имела место в *цеховом масонстве*, делает особый акцент на «утерянном слове», каковое здесь представлено как результат смерти Хирама, хотя и нет никаких явных свидетельств относительно его поисков, не говоря уже о «найденном слове». Это вполне может показаться странным, поскольку, в качестве последней степени, составляющей масонство в собственном смысле слова, градус Мастера с необходимостью должен соответствовать, по крайней мере, виртуально, завершению «малых мистерий», без которого его наименование будет неоправданным. Некоторые, поистине, могли бы ответить, что инициация в эту степень сама по себе есть, по сути, лишь отправная точка, что, в конце концов, вполне нормально; но все же было бы необходимо, чтобы эта инициация заключала в себе нечто, позволяющее достичь «высшего» посвящения, так сказать, поиск, составляющий последующую задачу, ведущую к действенной реализации Мастерства, – и, вопреки видимости, это действительно, как мы полагаем, имело место.

«Священное слово» степени есть, без сомнения, «слово-заменитель», более того, оно в качестве такового и дается, но «заменитель» очень особого свойства: подвергнувшись столь

[58] *Царь Мира*, гл.4 и 5.

многочисленным искажениям, оно стало совершенно неузнаваемым[59] и получило различные толкования, представляющие определенный дополнительный интерес в свете отдельных своих аллюзий на некоторые символические элементы степени, но проследить иудейское происхождение какого-либо из них не представляется возможным. Нынче, если это слово будет восстановлено в его подлинной форме, его значение будет, очевидно, всецело отлично от тех, которые ему обычно приписывают; это слово есть не что иное, как вопрос, и ответ на этот вопрос будет истинным «священным словом» или самим «утерянным словом», то есть подлинным именем Великого Архитектора Вселенной.[60] Как мы только что сказали, когда ответ на этот вопрос будет найден, поиск окончится; и этим завершением для каждого из тех, кто окажется на это способен, будет обнаружение ответа и достижение подлинного Мастерства в результате собственной внутренней работы.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в соответствии с иудейским символизмом «утерянное слово» в целом связано с четырехбуквенным (тетраграмматическим) Именем; но, взятое буквально, оно, очевидно, является анахронизмом, ибо хорошо известно, что во времена Соломона и строительства Храма произношение Имени еще не было утрачено. Тем не менее, ошибочно было бы полагать, что анахронизм этот представляет какое-то реальное препятствие, ведь здесь мы имеем дело не с «историчностью» фактов как таковых, кои, по нашему убеждению, мало что сами по себе значат, поскольку к Тетраграмматону проявляют уважение лишь благодаря той ценности, которую он по традиции в себе несет. В определенном смысле он также может хорошо подойти на роль «слова-заменителя», вследствие того, что принадлежит, по сути, к Моисееву откровению, и, таким образом, не может быть ближе к примордиальной традиции, чем еврейский язык как таковой.[61] Если мы столь подробно остановились на этом вопросе, то, прежде всего, для того, чтобы привлечь внимание к тому более значимому факту, что в иудейском экзотеризме слово-заместитель для Тетраграмматона, чье произношение было утрачено, было иным божественным именем – *Адонаи*, также образованным четырьмя буквами, но, как полагали, в меньшей степени отражающим сущность; в самом деле, оно рассматривается как нечто, свидетельствующее о смирении с утратой, которую считают невосполнимой, лишь в качестве замены, коя все же дозволительна в нынешних условиях. В масонской инициации, напротив, «слово-заменитель» связано с восстановлением возможности вновь обнаружить «утраченное слово», а значит, с восстановлением состояния, предшествовавшего его потере. В этом кроется одно из основополагающих отличий между экзотерической и инициатической точками зрения, символически выраженное столь потрясающим образом.[62]

Но прежде, чем следовать далее, сделаем отступление, которое может позволить лучше понять то, о чем пойдет речь. Масонская инициация, подобно всем прочим ремесленным посвящениям, по существу, связанная с «малыми мистериями», достигает своего завершения в степени Мастера, поскольку полная реализация этого градуса подразумевает восстановление изначального состояния; но может вызвать удивление значение и роль того, что зовется высшими степенями масонства, ведь кое-кто настаивает на том, что они были всего лишь ненуж-

---

[59] Подобная деформация даже породила два, так сказать, различных слова, одно из которых – «священное слово», другое – «пароль», взаимозаменяемые в различных уставах, но, по сути, представляющие одно целое.

[60] Нет нужды разбирать, носили ли многочисленные искажения самого слова или его значений намеренный характер, поскольку это было бы тяжелой задачей с учетом недостатка точных сведений касательно обстоятельств их появления; но с определенностью можно сказать, что в любом случае их результатом стало полное сокрытие того, что составляет самую суть степени Мастера и, таким образом, стало своего рода загадкой, не имеющей, по-видимому, разрешения.

[61] О «первом имени Бога», согласно определенным инициатическим традициям, см. *Великая триада*, гл.25.

[62] Подчеркнем в этой связи, что в степени Мастера присутствует не только «слово-заменитель», но и «знак-заменитель»: если «утерянное слово» символически идентифицируется с Тетраграмматоном, определенные признаки соответственно подсказывают, что «утерянным знаком» должно быть благословение *Коханим*. Здесь вновь не имеет смысла усматривать в этом выражение буквального исторического факта, ибо, в действительности, этот знак никогда не был утрачен, просто обоснованно можно было бы поинтересоваться: если Тетраграмматон уже нельзя произнести, то сохранил ли этот знак всю свою ритуальную ценность?

ными и бесполезными «излишествами». Необходимо прежде всего различать, с одной стороны, степени,[63] связанные непосредственно с масонством,[64] а с другой – те из них, что можно рассматривать как следы или воспоминания[65] о древних западных инициатических организациях, которые были как бы привиты к масонству или «оформились» вокруг него. С учетом этого, назначение этих последних градусов (при условии, что они будут рассматриваться не просто как имеющие «археологический» интерес, коего, очевидно, было бы явно недостаточно для их оправдания с инициатической точки зрения) есть сохранение единственно возможным способом после их исчезновения как независимых форм того, что еще можно сохранить от этих посвящений. Мы определенно могли бы сказать больше о «консервирующей» роли масонства и возможности с его стороны в определенной мере компенсировать отсутствие инициации иного порядка в современном западном мире, но это всецело выходит за пределы исследуемого нами вопроса, ибо таково лишь первое доказательство того, что символизм этих градусов более или менее напрямую связан с интересующим нас в данной статье масонским наследием.

Эти градусы в общем можно рассматривать как своего рода расширение или развитие степени Мастера, ибо, хотя в принципе последняя, вне всяких сомнений, является самодостаточной, фактически же довольно трудно извлечь из этого градуса все потенциально в нем содержащееся, что оправдывает существование этих позднейших расширений.[66] Они появились благодаря тем, кто желал актуализировать то, чем ранее владел лишь виртуально; такова, по крайней мере, фундаментальная цель этих градусов, какие бы справедливые замечания ни выдвигали относительно их практической пользы, каковая, можно сказать, в большинстве случаев снижается, к сожалению, за счет фрагментарности и слишком часто изменяемого внешнего выражения, представленного соответствующими ритуалами. Однако здесь мы рассматриваем только принципы, которые не зависят от этих сопутствующих соображений. Более того, в действительности, если бы степень Мастера была более определенной, а все допущенные к ней были по-настоящему компетентны, эти расширения могли бы найти себе место внутри нее, и не надо было бы делать их целью иных градусов, номинально отличающихся от данной степени.[67]

Итак, мы хотим указать на то, что среди упомянутых высших градусов есть такие, которые делают особый акцент на «поиске утерянного слова», то, следование чему составляет, как мы уже пояснили, сущностную работу степени Мастера. Некоторые градусы предлагают даже «найденное слово», имея в виду, очевидно, успешное завершение этого поиска; однако, в действительности, это «найденное слово» есть не что иное, как новое «слово-заменитель» и, благодаря тому, что мы сказали, становится легче понять, что оно и не может быть чем-то иным, поскольку истинное «слово», строго говоря, непередаваемо. Это особенно касается степени *Королевской Арки*, единственного градуса, который должно рассматривать как сугубо масонский и чье прямое оперативное происхождение не подлежит сомнению: это как бы естествен-

---

[63] Естественно, мы оставляем в стороне все те чрезвычайно многочисленные градусы некоторых «систем», которые носят единственно лишь фантастический характер и, очевидно, отражают исключительно личные воззрения своих авторов.

[64] Тем не менее, нельзя с точностью сказать, что они суть его неотъемлемая часть, за исключением лишь *Королевской Арки*.

[65] Мы добавили здесь слово «воспоминания», чтобы избежать любого обсуждения более или менее прямого происхождения этих градусов, которое увело бы нас слишком далеко, в особенности в том, что касается организаций, связанных с различными формами рыцарского посвящения.

[66] Кроме того, следует отметить, по крайней мере, в качестве дополнительной причины этого, сведение семи градусов древнего оперативного масонства к трем: поскольку все они не были известны основателям масонства спекулятивного, образовался серьезный пробел, каковой, вопреки некоторым последующим «обновлениям», не мог быть полностью восполнен в рамках трех современных символических градусов. Есть несколько высших градусов, каковые преимущественно представляются попытками исправить этот дефект, правда, нельзя сказать, имели ли они полный успех, поскольку не обладали подлинной оперативной передачей, каковая является обязательной.

[67] Именно благодаря обладанию «полнотой масонских прав», Мастер, прежде всего, имеет доступ ко всем знаниям, заключенным в инициатической форме, к которой он принадлежит; это совершенно ясно выражено в древней концепции «Мастера всех градусов», каковая в наши дни всецело забыта.

ное дополнение степени Мастера, открывающее перспективу «великих мистерий».[68] Поскольку в этом градусе «найденное слово» появляется в максимально видоизмененном виде, так же как и во многих других, это порождает различные предположения относительно его значения; однако, согласно наиболее авторитетным и заслуживающим доверия интерпретациям, оно, в действительности, представляет собой составное слово, образованное соединением трех божественных имен, заимствованных из трех различных традиций. Это представляет интерес, по крайней мере, с двух точек зрения: во-первых, с учетом очевидного указания на то, что «утерянное слово», по сути, рассматривается в качестве божественного имени, а также в связи с тем, что соединение этих различных имен может объясняться лишь как сущностное подтверждение фундаментального единства всех традиционных форм. Однако само собой разумеется, что подобное сочетание имен, происходящих из нескольких священных языков, остается всецело внешним соединением и никоим образом не может адекватно символизировать восстановление сам*о*й изначальной традиции, а значит оно представляет собой не более, чем «слово-заменитель».[69]

Иной, хотя и весьма отличный, пример дает Шотландский градус Розенкрейцера, в котором «найденное слово» представлено как новый Тетраграмматон, призванный занять место древнего, утерянного; в действительности же, эти четыре буквы, каковые, к слову сказать, представляют собой лишь инициалы и не составляют слово, не могут, таким образом, передать ничего иного, кроме как отношение христианской традиции к иудейской или замену Ветхого Завета Новым, и было бы трудно утверждать, будто они представляют состояние, близкое к изначальному, если здесь не подразумевается, что христианство совершило «реинтеграцию», открыв некоторые новые возможности возвращения к последнему, что, в общем-то, в известном смысле истинно для любой традиционной формы, основанной в определенную эпоху в точном соответствии с ее особенностями. Необходимо добавить, что прочие интерпретации, каковые естественным образом накладываются на простое религиозное и экзотерическое значение, носят, преимущественно, герметический характер и сами по себе определенно не лишены интереса. Но, помимо отступления от рассмотрения божественных имен, сущностно связанных с «утерянным словом», в этом гораздо более «повинен» христианский герметизм, нежели масонство в собственном смысле слова, и как бы близки они друг другу ни были, тем не менее, не стоит считать их тождественными, ибо если они используют сходные до определенной степени символы, но, однако же, проистекают из инициатических «техник», кои весьма и во многих отношениях отличны друг от друга. Кроме того, «слово» розенкрейцерского градуса явно отсылает к мировоззрению специфической традиционной формы, которая в любом случае далека от возвращения к изначальной традиции, что лежит по ту сторону всех отдельных форм. В этом отношении, как и во многих других, у степени *Королевской Арки* значительно больше причин быть названной *nec plus ultra*[70] масонского посвящения.

Полагаем, что уже достаточно сказали по поводу различных «замещений» и в завершение нашего рассмотрения нам необходимо вернуться к степени Мастера, дабы найти объяснение иной загадке, каковая здесь обнаруживается: как вышло так, что «утрата слова» преподносится как последствие смерти одного лишь Хирама, тогда как, согласно самой легенде, им должны были владеть и другие? В действительности здесь мы имеем дело с вопросом, каковой ставит в

---

[68] Мы отсылаем читателя к тому, что уже сказали по этому поводу, особенно в нашем исследовании «Краеугольный камень» [См. *Символы священной науки*, гл.45].

[69] Необходимо осознать, что то, о чем мы здесь говорим, относится к *Королевской Арке* Английского Устава, каковая, несмотря на схожесть наименования, имеет мало общего со степенью, носящей название *Королевская Арка Еноха*, версия которой стала 13-м градусом Древнего и Принятого Шотландского Устава, в коем «найденное слово» представляет сам Тетраграмматон, начертанный на золотой пластине, помещенной в «девятом своде». Более того, приписывание сокровища Еноху представляет собой очевидный анахронизм, если говорить об иудейском Тетраграмматоне, однако его можно рассматривать как показатель намерения вернуться прямо к изначальной, или, по крайней мере, «доиндивидуальной» традиции.

[70] Высшая точка, крайняя степень, вершина, кульминация (лат.). – Прим. пер.

тупик многих масонов, размышляющих о символизме, и некоторые даже заходят столь далеко, что видят в нем нелепость, которую, как кажется, абсолютно невозможно объяснить приемлемым способом, при этом, как то будет видно, это нечто совершенно иное.

Вопрос, который мы задали в конце предыдущего абзаца, может быть более точно сформулирован следующим образом: во времена строительства Храма «словом» Мастеров владели, согласно той самой легенде градуса, три человека, имеющих власть его передавать: Соломон, царь Тирский Хирам и Хирам-Абифф. Если так оно и было, то почему смерти одного последнего было достаточно, чтобы привести к потере этого слова? Ответ состоит в том, что для соблюдения его правильной и ритуальной передачи необходимо было соединить усилия «трех первых Великих Мастеров», следовательно, отсутствие или исчезновение одного из них делало эту передачу невозможной, подобно тому, как не может быть треугольника без одной из трех частей; и вопреки тому, что могут подумать те, кто недостаточно знаком с выведением некоторых символических соответствий, это не просто сопоставление или более-менее воображаемая и безосновательная связь. На самом деле, оперативная ложа может быть открыта лишь при взаимодействии трех Мастеров,[71] владеющих тремя жезлами соответствующей длины в пропорции 3:4:5. Работы могут начаться, только когда эти три жезла сведены вместе, образовав пифагорейский правильный треугольник. Поскольку это так, легко понять, сходным образом, что священное слово может состоять из трех частей, подобных трем слогам,[72] каждый из которых может быть передан лишь одним из трех Мастеров, так что при отсутствии одного из них слово, подобно треугольнику, остается неполным и более не может быть подлинно завершенным, к чему мы скоро вернемся.

Позволим себе мимоходом коснуться иного случая со сходным символизмом, по крайней мере, в том, что касается нашего нынешнего интереса. В некоторых ближневосточных сообществах сундук, содержащий «сокровище», снабжен тремя замками, ключи к которым доверены трем разным должностным лицам так, что, только собрав их вместе, можно его открыть. Естественно, те, кто поверхностно смотрит на вещи, не увидит в этом ничего, кроме предосторожности против злоупотребления со стороны этих лиц, но, как всегда бывает в таком случае, этого всецело внешнего и профанического объяснения совершенно недостаточно, и даже допуская, что оно может быть легитимным в своей собственной сфере, это никоим образом не препятствует тому, чтобы тот же самый факт мог иметь полностью глубинное символическое значение, которое составляет всю его подлинную ценность. Полагать иначе означает совершенно не понимать инициатическую точку зрения; более того, ключ сам по себе являет символизм достаточно важный, чтобы служить подтверждением того, о чем мы здесь сказали.[73]

Дабы вернуться к теме упомянутого выше правильного треугольника, можно было бы сказать, что, как мы убедились, смерть «третьего Великого Мастера» оставляет его незавершенным. В определенном смысле и независимо от его собственного значения как прямоугольного треугольника, это соответствует форме наугольника Досточтимого Мастера, который имеет неравные стороны, обычно соотносящиеся как 3 к 4, так что их можно рассматривать

---

[71] Здесь Мастера – это те, кто владеет 7-м и последним оперативным градусом, каковому первоначально принадлежала легенда о Хираме; более того, именно поэтому последняя не была известна «принятым» компаньонам, которые в 1717 году по своей собственной инициативе основали Великую Ложу Англии и кто, естественно, не мог бы передавать нечто большее, нежели то, что сам получил.

[72] Слог есть элемент, каковой, по сути, несократим при произношении слова; более того, отметим, что само «слово-заменитель», в различных своих формах, состоит из трех слогов, которые при ритуальном произношении издаются по отдельности.

[73] Мы не можем здесь подробно останавливаться на различных аспектах символизма ключа и, в особенности, на его осевом характере (см. то, что мы сказали об этом в *Великой триаде*, гл.6), но, по крайней мере, стоит отметить, что в древних масонских «катехизисах» язык называется «ключом к сердцу». Связь между языком и сердцем символизируется отношением «Мысли» и «Слова», то есть, согласно каббалистическому значению этих терминов, связь внешнего и внутреннего аспекта Слова предусматривалась принципиально. Из этого также проистекает священный характер, который имело у древних египтян (кто, помимо прочего, использовал деревянные ключи, точно повторяющие форму языка) дерево авокадо, чьи плоды имеет форму сердца, а листья – языка (см. Плутарх. *Исида и Осирис*, 68).

как две стороны прямого угла этого треугольника, гипотенуза которого при этом отсутствует, или, если угодно, «подразумевается».[74] И стоит отметить, что восстановление треугольника, как то изображается на инсигнии *Бывшего Мастера*, подразумевает, или, по крайней мере, теоретически должно подразумевать, что оный достиг успеха в деле восстановления того, что было утеряно.[75]

Что же касается священного слова, которое может быть передано лишь при объединении усилий трех лиц, то довольно значимо, что это качество обнаруживается в том слове, которое, в степени *Королевской Арки*, рассматривается как представляющее «слово найденное» и чье регулярное сообщение будет эффективным лишь в таком случае. Три лица сами по себе образуют треугольник, и три части слова, то есть три слога, кои соответствуют множеству божественных имен в различных традициях, успешно «переходят», так сказать, от одной стороны треугольника к другой, пока слово не станет полностью «верным и совершенным». Несмотря на то, что это всего лишь слово-«заменитель», тот факт, что *Королевская Арка* есть наиболее «аутентичный» из всех высших градусов в смысле своего оперативного происхождения, также придает этому способу сообщения неоспоримую важность, подтверждая толкование того, что в этом отношении остается неясным относительно степени Мастера, как она практикуется сегодня.

В этой связи добавим иное соображение касательно иудейского Тетраграмматона: поскольку последний есть одно из божественных имен, наиболее часто отождествляемых с «утерянным словом», в нем должно быть нечто, соответствующее тому, что мы только что обсудили, ибо постольку поскольку аналогичное качество поистине составляет суть, оно некоторым образом должно присутствовать во всем, что хоть в малейшей степени представляет это слово. Под этим мы подразумеваем, что дабы порядок символического соответствия был в точности соблюден, произношение Тетраграмматона должно было быть трехслоговым; но, поскольку, с другой стороны, оно, естественно, писалось четырьмя буквами, можно было бы сказать, что, согласно числовому символизму, 4 здесь соответствует «субстанциональному» аспекту слова (постольку поскольку последнее писалось или произносилось в соответствии с написанным, игравшим роль материальной «опоры»), а 3 – «эссенциальному» аспекту (в связи с тем, что оно произносилось целиком голосом, каковой единственно придавал ему «дух» и «жизнь»). Следовательно, хотя его нельзя рассматривать как подлинное произношение Имени, каковое более никому не известно, благодаря тому, что оно имело три слога, форма *Иегова* (глубокая древность которого в отличие от его приблизительных транскрипций в европейских языках уже может дать пищу для размышлений), поскольку она имеет три слога, по меньшей мере, представляет его значительно лучше, нежели совершенно фантастическая форма *Яхве*, выдуманная современными экзегетами и «критиками» и каковая, имея лишь два слога, явно непригодна для ритуальной передачи, подобной той, о которой здесь идет речь.

Естественно, обо всем этом можно было бы сказать значительно больше, но мы должны завершить и без того растянутое рассмотрение, каковое, позволим себе повторить, имело своей целью лишь пролить толику света на некоторые аспекты исключительно многомерной темы «утерянного слова».

---

[74] В качестве курьеза укажем в этой связи, что в смешанном масонстве, *ко-масонстве*, полагают разумным делать наугольник Досточтимого Мастера равносторонним, дабы представить равенство мужчины и женщины, что ни в малейшей степени не имеет отношения к подлинному значению; это хороший пример непонимания символизма и фантастических нововведений, кои есть его неизбежные последствия.

[75] См. *Великая триада*, гл.15 и 21.

Строители средних веков

Статья Армана Бедаррида «Les Idées de nos Précurseurs», опубликованная в первом выпуске *Simbolisme* за май 1929 года, в которой он рассматривает вопрос о том, как гильдии Средних Веков могли передать современному масонству свой дух и традиции, дает основание для некоторых полезных размышлений.

Конец ознакомительного фрагмента.